

Автобиография

Автор:

[Алекс Фергюсон](#)

Автобиография

Алекс Фергюсон

В 1986 году Алекс Фергюсон возглавил не самый успешный на тот момент английский клуб «Манчестер Юнайтед» и в последующие годы выиграл с ним 38 турниров, включая клубный чемпионат мира, две Лиги чемпионов, 13 чемпионатов Англии и пять Кубков Англии. Обладатель 49 различных трофеев, Фергюсон считается самым успешным тренером в истории Великобритании. Посвященный в 1999 году в рыцари сэра Алекс объявил о своем уходе с тренерского мостика «Манчестера» по завершении сезона 2012/13, в котором его команда в очередной раз выиграла английскую Премьер-лигу. В своей автобиографии Фергюсон рассказывает о том, как пришел в «Манчестер Юнайтед» и стал одерживать с клубом первые победы, вспоминает многих гениальных игроков, которых тренировал за годы работы в клубе, в том числе Дэвида Бекхэма, Криштиану Роналду, Уэйна Руни. Он не скрывает, как сложно приходилось ему с некоторыми футболистами, и так же откровенно оценивает своих знаменитых коллег-соперников: тренера «Арсенала» Арсена Венгера, бывшего наставника «Ливерпуля» Рафаэля Бенитеса и мастера эпатажа Жозе Моуринью. Эта книга – не только история успешного футбольного тренера, не только взгляд на современный футбол специалиста, быть может, лучше всех разбирающегося в его сути, но и портрет необычайно сильного человека, который прекрасно знает, что без тяжелых разочарований не бывает больших побед.

Алекс Фергюсон

Автобиография

Посвящается Бриджет,

сестре Кэти, настоящей опоре и лучшему другу

Alex Ferguson

My Autobiography

First published in the English language in 2013 by Hodder & Stoughton, an Hachette UK Company

Издание публикуется с разрешения издательства Hodder & Stoughton Ltd. при содействии литературного агентства Synopsis Literary Agency

Copyright © Sir Alex Ferguson 2013

Endpapers © Sean Pollock, © Phil Richards/Mirrorpix (front, b & w) and © Man Utd/Getty Images (back, b & w)

Благодарности

За помощь в создании этой книги я хотел бы поблагодарить многих людей.

Во-первых, следует отдать должное моему редактору Родди Блумфилду и его помощнице Кейт Майлз. Огромный опыт Родди и его поддержка стали для меня настоящей находкой, а усердие и старательность Кейт сделали из этой пары великолепную команду.

Пол Хэйворд оказался настоящим профессионалом, с которым было очень легко работать. Он не давал мне отклоняться от плана и проделал просто блестящую работу, собрав воедино мои разрозненные воспоминания. Я очень доволен тем, как он подал их в этой книге.

Фотограф Шон Поллок, делавший снимки на протяжении четырех лет, также сотворил что-то потрясающее. Его непринужденная и осторожная манера съемки была абсолютно ненавязчивой и в то же время позволяла ему запечатлеть все, что он желал.

Мой юрист Лес Дальгарно неоднократно давал мне консультации при написании этой книги. Он мой самый доверенный и преданный советник и настоящий друг.

В общем-то, людей, оказавших мне помощь в работе над книгой, было гораздо больше. Я очень высоко ценю их усилия, и для меня было настоящим удовольствием сотрудничать с такой великолепной командой.

Благодарности за фотоматериалы

Автор книги и ее издатель хотели бы поблагодарить следующих лиц и организации за разрешение использовать их фотографии:

Action Images, Mirrорpix, Popperfoto/Getty Images, Reuters/Action Images, Rex Features, SMG/Press Association, SNS Group, Саймона Беллиса/Reuters/Action Images, Роя Бирдсуорта/Offside, Джейсона Кейрндаффа/Livepic/Action Images, Эдди Кио/Reuters/Action Images, Криса Коулмэна/ Manchester United/Getty Images, Алекса Ливси/Getty Images, Марка Лича/Offside, Клайва Мейсона/Getty Images, Тома Парслоу/Manchester United/Getty Images, Джона Пауэлла/ Liverpool FC/Getty Images, Джерри Пенни/AFP/Getty Images, Джона Питерса/Manchester United/Getty Images, Мэттью Питерса/Manchester United/Getty Images, Ника Поттса/Press Association, Кая Пфаффенбаха/Reuters/Action Images, Бэна Редфорда/Getty Images, Карла Ресина/Livepic/ Action Images, Мартина Риккетта/Press Association, Мэтта Робертса/Offside, Нила Симпсона/Empics Sport/Press Association, Даррена Стэйплса/Reuters/Action Images, Саймона Стэкпула/Offside, Боба Томаса/Getty Images, Глина Томаса/Offside, Кирсти Уиглсуорт/Press Association, Джона Уолтона/Empics Sport/Press Association, Дэйва Ходжеса/ Sporting Pictures/Action

Images, Яна Ходжсона/Reuters/ Action Images, Все остальные фотографии используются с любезного разрешения Шона Поллока.

Вступление

Много лет назад я начал собирать материал для этой книги, делая заметки в те редкие свободные минуты, что оставались у меня после работы. Я всегда хотел рассказать историю, которая была бы интересной как членам футбольного сообщества, так и людям, не особо интересующимся спортом.

И хотя моя отставка застала мир спорта врасплох, я много лет обдумывал эту автобиографию. Она дополняет мою ранее изданную книгу «Управляя своей жизнью». В настоящей автобиографии я сосредоточиваюсь на моих волшебных годах в Манчестере, лишь вскользь упоминая про юность в Глазго и друзей, которых навсегда обрел в Абердине. Будучи сам заядлым читателем, я с нетерпением ждал возможности написать книгу, которая смогла бы пролить свет на ряд загадок в моей работе.

Посвятив свою жизнь футболу, вы обязательно столкнетесь с неудачами, провалами, поражениями и разочарованиями. В ранние годы в «Абердине» и «Манчестер Юнайтед» я сразу же решил, что если хочу завоевать доверие и преданность своих игроков, то должен вести себя соответствующе по отношению к ним. Это тот фундамент, на котором процветают все великие организации. Помогала в этом моя наблюдательность. Некоторые люди, зайдя в комнату, ничего в ней не видят. Откройте свои глаза, здесь же столько всего! Я использовал этот навык для оценки тренировочных привычек игроков, их настроений и моделей поведения.

Конечно, я буду скучать по шуткам в раздевалке и по своим соперникам по тренерскому цеху, по тем замечательным представителям старой школы, знаменитым уже в момент моего прихода в «Манчестер» в 1986 году. Рон Аткинсон не выказал никакой обиды или злобы после своего ухода из клуба, и он всегда отзывался о нас положительно. Джим Смит – чудесный человек и прекрасный друг. Его радушие не давало вам спать всю ночь, а ваша рубашка покрывалась следами от пепла его сигар.

Джон Силлетт, тренировавший «Ковентри Сити», был еще одним моим прекрасным коллегой. Никогда не забуду покойного Джона Лайалла, моего наставника в первые годы тренерской карьеры; он всегда, не жалея времени, делился со мной своим опытом. Моя первая встреча с Бобби Робсоном состоялась в 1981 году, когда мой «Абердин» выбил его «Ипсвич» из розыгрыша Кубка УЕФА. В тот вечер Бобби пришел в нашу раздевалку и пожал руку каждому игроку. Он был великим человеком, и я всегда буду ценить свою дружбу с ним. Его смерть стала настоящей потерей для нас всех.

Были и другие тренеры старой школы, чье отношение к работе не уставало восхищать меня. Если я приходил на игру резервистов, то обязательно встречал там Джона Раджа и Ленни Лоуренса, а также одну из самых ярких футбольных личностей, чей «Олдхэм» наводил немало шороху в свое время. Конечно, я имею в виду Джо Ройла. Да уж, «Олдхэм» не раз давал нам жару. Я скучаю по всему этому. Харри Реднапп и Тони Пьюлис – еще одни замечательные представители моего поколения, а с Сэмом Эллардайсом мы стали прекрасными друзьями.

Мне по-настоящему повезло работать в «Манчестере» с замечательными и верными людьми, многие из которых были вместе со мной более двадцати лет. Мой секретарь Лин Лаффин последовала за мной в отставку, но она продолжает оставаться моим личным помощником и на новом посту. Выражаю признательность им всем: Лесу Кершоу, Дэйву Бушеллу, Тони Уилану и Полу Макгиннессу. Кэт Фиппс, работавшей в администрации «Манчестера» более 40 лет и отвечавшей за мой послематчевый отдых на «Олд Траффорд». Ушедшему на пенсию Джиму Райану, моему брату Мартину, нашему скауту в Европе на протяжении 17 лет (очень тяжелая работа, поверьте), а также Брайану Макклэйру.

Норман Дэвис – что за человек, а! Верный друг, скончавшийся несколько лет назад. Сменивший его на посту администратора по экипировке Альберт Морган – еще один великолепный товарищ, в чьей верности я никогда не сомневался. Наш доктор Стив Макнэлли, команда физиотерапевтов во главе с Робом Свайром, Тони Страдвик и его трудолюбивые исследователи, сотрудницы прачечной, все повара. Сотрудники головного офиса Джон Александер, Энн Уайли и остальные девочки. Джим Лоулор и его скауты. Тренер вратарей Эрик Стил. Саймон Уэллс и Стив Браун из команды анализа видеоматериалов. Специалисты по работе с газоном, во главе которых стоят Джо Пембертон и Тони Синклер. Обслуживающий персонал: настоящие работяги Стюарт, Грэм и Тони. Все эти люди заслуживают моей благодарности. Может быть, я кого-то и упустил, но

уверен, все они знают, как сильно я их уважаю.

Я не смог бы достичь такого успеха без моих помощников и ассистентов. Арчи Нокс был моим верным союзником в мои первые годы в клубе. Спасибо Брайану Кидду, Нобби Стайлзу, великолепному наставнику молодежи Эрику Харрисону. Стиву Макларену, прогрессивному и энергичному тренеру. Карлушу Кейрушу и Рене Мёленстену, двум потрясающим тренерам, и моему ассистенту Мику Фелану, по-настоящему проницательному, наблюдательному и поистине футбольному человеку.

Моему долголетию на посту главного тренера «Манчестера» я обязан Бобби Чарльтону и Мартину Эдвардсу. Их самым бесценным подарком было время – время, позволившее мне построить футбольный клуб, а не просто футбольную команду. В последние десять лет огромную поддержку в клубе мне оказывал Дэвид Гилл.

В этой книге я собираюсь рассказать вам о многом, и, надеюсь, вы получите удовольствие от ее прочтения.

Предисловие

Почти тридцать лет назад, нервничая и чувствуя себя страшно уязвимым, я прошел по туннелю и вышел на поле, чтобы провести свою первую домашнюю игру. Поприветствовал «Стретфорд Энд» и отправился к центральному кругу, где был представлен в качестве нового главного тренера клуба «Манчестер Юнайтед». Сегодня, уже полный уверенности в себе, я вышел на то же самое поле, чтобы сказать ему прощай.

Мало кому из тренеров посчастливилось сосредоточить в своих руках тот объем власти, которым я обладал в «Манчестере». И как я ни был оптимистично настроен при переезде на юг из Абердина осенью 1986 года, даже в своих самых смелых фантазиях я и представить себе не мог, как все хорошо закончится в итоге.

После ухода из «Манчестера» в мае 2013 года в моей голове стали всплывать воспоминания о поворотных моментах в карьере. Например, о победе в матче третьего раунда Кубка Англии против «Ноттингем Форест» в январе 1990-го, когда единственный гол Марка Робинса проложил нам путь к финалу и спас, по общему мнению, меня от увольнения. Мы тогда целый месяц провели без единой победы, что лишило меня всей присущей мне уверенности.

Если бы не та победа в Кубке Англии в финальном матче против «Кристал Пэлас», я бы, вероятно, лишился своего поста. Провести четыре года в клубе и не выиграть ни одного трофея?! Естественно, это вызывало вопросы о моем соответствии должности главного тренера. Впрочем, мы никогда уже не узнаем, насколько близко я тогда подошел к увольнению, ведь предложение о моем смещении так и не было вынесено на обсуждение совета директоров «Манчестера». Но не будь той победы на «Уэмбли», мы могли бы лишиться поддержки фанатов, а клуб был бы мною очень недоволен.

Бобби Чарльтон наверняка бы выступил против моего увольнения. Он прекрасно знал, чем я занимался, какой фундамент в будущие победы «Манчестера» мы закладывали благодаря развитию своей школы, сколько усилий, сколько часов я тратил, реформируя управление в клубе. Председатель совета директоров клуба Мартин Эдвардс тоже все это хорошо понимал. То, что они имели мужество поддерживать меня в смутное время, прекрасно характеризует их. Мартин получил бы множество гневных писем с требованиями моей отставки, не выиграй мы тогда тот Кубок.

Победа в 1990 году дала мне передышку и укрепила мою убежденность, что «Манчестер» – это тот клуб, с которым я смогу не раз победить. После этого выигрыша для нас настали хорошие времена. Но никогда не забуду, как наутро после нашей победы одна из газет заявила: «О'кей, ты доказал, что можешь выиграть Кубок Англии, а теперь отправляйся обратно в Шотландию».

Глава первая

Размышления

Если бы меня попросили кратко охарактеризовать суть «Манчестер Юнайтед», я бы ответил: «Взгляните на мою последнюю, 1500-ю игру. Матч против клуба “Вест Бромвич Альбион”, закончившийся со счетом 5:5. Сумасшедший. Поразительный. Зрелищный. Невероятный. Таким и был мой “Манчестер”».

Если вы собирались посмотреть игру «Манчестера», то вправе были ожидать голов и настоящей драмы. Накрученных до предела нервов. Мог ли я жаловаться, что за последние девять минут той встречи мы упустили преимущество в три мяча? Понятное дело, что нет. Конечно, я никоим образом не скрывал своих эмоций, своего раздражения, но игроки понимали, что это был мой способ сказать им: «Спасибо, парни. Какие чертовски замечательные проводы вы мне сегодня устроили!».

Все знали, что моим преемником будет Дэвид Мойес, и когда мы сидели в раздевалке после завершения матча, Райан Гиггз пошутил: «Дэвид Мойес только что подал в отставку».

Несмотря на то, что наша оборона в тот день сыграла неважно, я был очень горд, что передаю в руки Дэвида такую замечательную команду. Моя работа была полностью выполнена. Здесь, на домашнем стадионе «Вест Бромвич Альбион», в ложе «Реджис» рядом со мной была моя семья, а впереди меня ждала новая жизнь.

Это был превосходный день, просто мечта. «Вест Бромвич» сработал потрясающе, они великолепно обо мне позаботились; потом они даже прислали мне стартовый протокол с составами команд, подписанный игроками обоих клубов. Рядом со мной была почти вся моя семья: три моих сына, восемь внуков, несколько близких друзей. Я был счастлив, что мы все вместе смотрим этот мой последний матч.

Спускаясь по ступенькам командного автобуса, я наслаждался каждой секундой. Нет, мне было не тяжело уйти в отставку; я знал, что время пришло. В ночь перед матчем игроки сделали мне подарок. Это были прекрасные часы «Ролекс» 1941 года, мои ровесники. Время на часах было выставлено на 15:03 – в эту минуту 31 декабря 1941 года в городе Глазго я появился на свет. Они также подарили мне книгу фотографий, посвященную годам моей работы в «Манчестере», на центральном развороте которой была фотография моей семьи и внуков. За главным подарком стоял Рио Фердинанд, большой знаток часов.

После того как мне вручили книгу и часы и в мою честь прозвучали аплодисменты, я заметил странное выражение на лицах некоторых игроков. Словно они не знали, как себя вести и что делать, ведь я всегда был рядом с ними. С некоторыми – более 20 лет. А кое-кто за свою карьеру просто никогда и не работал с другим тренером. Я читал на их лицах немой вопрос: «Что же будет дальше?»

Тем не менее впереди у нас была еще одна игра, и я хотел, чтобы все прошло как надо. Мы вели 3:0 после первого получаса игры, но «Вест Бромвич» не собирался устраивать мне легкие проводы. 22 ноября 1986 года Йон Сивебак забил первый гол «Манчестера» под моим руководством. Последний мяч 19 мая 2013 года забил Хавьер Эрнандес. При счете 5:2 мы могли бы выиграть и 20:2. При счете же 5:5 могли проиграть и 5:20. В обороне у нас царила полная неразбериха. «Вест Бромвич» забил три гола за 5 минут, а Ромелу Лукаку в итоге сделал хет-трик.

Несмотря на три пропущенных под конец встречи мяча, в нашей раздевалке царил веселье. После финального свистка мы остались на поле, чтобы поприветствовать трибуну с болельщиками «Манчестера». Гиггзи вытолкнул меня вперед, все игроки отступили назад, и я оказался один перед мозаикой из счастливых лиц. Наши фанаты провели весь матч на ногах, напевая, крича и прыгая. Я был бы рад, если бы мы победили со счетом 5:2, но в какой-то мере итоговый результат 5:5 больше подходил для такого момента. Это была первая ничья 5:5 в истории Премьер-лиги и первая такая ничья в моей карьере. Последний кусочек истории в мои последние 90 минут.

В Манчестере же мой офис просто захлестнул поток писем. Красивейший подарок прислал мадридский «Реал»: точную серебряную копию площади Сибелес, на которой клуб по традиции отмечает свои победы. Подарок сопровождало любезное письмо от президента клуба Флорентино Переса. Еще один подарок пришел из голландского «Аякса», другой прислал Эдвин ван дер Сар. Моему секретарю Лин пришлось знатно потрудиться, чтобы обработать всю корреспонденцию.

За исключением разве что почетного караула, я даже и не мог представить, что меня может ожидать на моей последней домашней игре на «Олд Траффорд» против «Суонси Сити». В конце концов ту неделю я провел очень насыщенно, рассказывая членам семьи, друзьям, игрокам и персоналу, что решил уйти в отставку и начать новую главу своей жизни.

Семена этого решения были посажены зимой 2012 года. Накануне Рождества мне стало ясно, что я хочу уйти на покой.

- Почему ты хочешь это сделать? - спросила меня Кэти.

- Я не смогу пережить еще один такой сезон, как прошлый, когда мы упустили титул в последней игре, - ответил я ей. - Лишь надеюсь, что в этот раз мы сможем выиграть Премьер-лигу и дойти до финала Лиги чемпионов или Кубка Англии. Это будет прекрасным завершением карьеры.

Кэти, переживавшая не лучшие времена из-за недавней смерти своей сестры Бриджет, вскоре согласилась со мной. По ее мнению, я был достаточно молод, чтобы попробовать сделать что-то еще в своей жизни. По контракту я был обязан до 31 марта уведомить клуб о своем решении уйти летом в отставку.

По стечению обстоятельств воскресным февральским днем мне позвонил Дэвид Гилл и спросил, может ли он прийти ко мне домой. «В воскресенье днем? Готов поспорить, он собирается уйти в отставку с поста исполнительного директора», - сказал я тогда. «Или он собирается уволить тебя», - заметила Кэти. В итоге прав оказался я: Дэвид сообщил мне, что по окончании сезона он хочет уйти в отставку. «Ни черта себе!» - воскликнул я и рассказал ему, что собираюсь сделать то же самое.

В один из последующих дней Дэвид позвонил мне и предупредил, что мне следует ждать звонка от Глейзеров. Когда это произошло, я уверил Джоэла Глейзера, что мое решение не имеет ничего общего с желанием Дэвида. Рассказал ему, что пришел к этому решению еще на Рождество, и объяснил причину: смерть сестры Кэти в октябре изменила нашу жизнь, и моя супруга чувствует себя одинокой. Джоэл понял. Мы условились встретиться в Нью-Йорке, где он попытался отговорить меня от ухода на пенсию. Я ответил, что ценю его усилия, и поблагодарил за поддержку. Он в ответ выразил благодарность за проделанную мною работу.

Джоэлу не удалось переубедить меня, поэтому разговор свернул на тему, кто должен прийти мне на замену. Здесь мы с ним были единогласны: таким человеком был Дэвид Мойес.

Вскоре Дэвид приехал к нам, чтобы обсудить свой возможный переход. Для Глейзеров было очень важно, чтобы после объявления о моей отставке имя нового главного тренера было названо как можно быстрее. Они не хотели слышать спекуляций на этот счет.

Многие шотландцы – люди с огромной силой воли. Если они покидают родные края, то, как правило, только по одной причине: чтобы достичь успеха. Они уезжают не для того, чтобы забыть о прошлом, а чтобы улучшить свою жизнь. Примеров тому несть числа, особенно в США или Канаде. Чтобы покинуть родину, требуется определенная твердость духа. И это не маска, это неподдельная решительность в достижении цели. Суровость шотландцев, о которой многие говорят, касается в том числе и меня.

Шотландцы, живущие за границей, не чураются юмора; Дэвид Мойес – известный остряк. Однако когда дело касается работы, шотландцы становятся очень серьезными. Мне часто говорили: «Не видел, чтобы во время матчей ты хоть раз улыбнулся». На такое я всегда отвечал: «Я здесь не для того, чтобы улыбаться, а чтобы побеждать».

У Дэвида такой же характер. Я немного знал его семью: его отец, Дэвид Мойес-старший, был тренером в клубе «Драмчапел», за который я выступал в свои юные годы. Это славное семейство. Не считаю, что это достаточная причина, чтобы нанять кого-то, тем более на такой высокий пост. Но мне нравилось, что Дэвид происходит из хорошей семьи. Я покинул «Драмчапел» в 1957 году, когда Дэвид-старший был еще очень молодым человеком, так что напрямую мы с ним не пересекались. Но я знал про него.

Глейзерам Дэвид понравился, он сразу произвел на них впечатление. Они быстро поняли, что он очень прямой и откровенный человек. Не каждый способен честно говорить о себе. И, естественно, я никоим образом не собирался становиться у него на пути. Зачем мне это было бы нужно после 27 лет в качестве главного тренера? Нет, для меня настало время оставить эту часть жизни позади. У Дэвида же не было никаких проблем с принятием наших традиций. Он отлично умеет находить таланты, и его «Эвертон» показывал великолепную игру, когда ему удавалось подписывать высококлассных игроков.

Я сказал себе, что у меня нет никаких сожалений по поводу ухода. Ничто не могло изменить моего решения. Когда тебе за семьдесят, твое здоровье, физическое и психическое, быстро может пойти под откос. Но я был очень занят

с того самого момента, как решил отойти в сторону, реализуя новые проекты в Америке и вне ее. Безделье мне не грозило, ведь впереди меня ждали новые вызовы.

В дни перед объявлением о моей отставке мне было очень тяжело сообщить о ней персоналу нашего тренировочного комплекса в Каррингтоне. Но когда я упоминал на базе об изменениях в моей жизни, о смерти сестры моей жены Кэти, то всегда в ответ получал только сочувствие и сострадание. И мне стало гораздо легче. Я был очень растроган.

Слухи о моей скорой отставке начали циркулировать за день до официального заявления. К тому времени я все еще не сообщил об этом своему брату Мартину. Сделать это было не очень просто, учитывая, как это могло повлиять на нью-йоркскую фондовую биржу. Поэтому частичная утечка новостей повредила моим отношениям с некоторыми людьми, которым я хотел открыться лично.

Утром в среду 8 мая 2013 года весь тренерский состав был собран в комнате анализа видеоматериалов, клубный персонал – в столовой, а игроки – в раздевалке. В ту же минуту, как я зашел в раздевалку, чтобы сообщить команде о своем уходе, мы опубликовали новость на клубном вебсайте. Использование мобильных телефонов было запрещено; я не хотел, чтобы кто-то узнал о том, что я собираюсь сообщить, прежде чем сам обо всем расскажу. Впрочем, учитывая ходившие слухи, все понимали, что это будет что-то очень важное.

Я сказал игрокам: «Надеюсь, я никого из вас не подведу, ведь вы все думали, что я останусь». К примеру, мы говорили ранее Робину ван Перси и Синдзи Кагаве, что я не собираюсь в ближайшее время уходить в отставку, что было правдой в тот момент, когда я это утверждал.

– Но времена изменились, – продолжил я. – Смерть сестры моей жены была тяжелой потерей для нас с Кэти. Кроме того, я хочу уйти победителем. И уйду победителем.

На лицах некоторых игроков читалось потрясение. «Отправляйтесь сегодня на скачки и хорошенько повеселитесь, – сказал я. – Увидимся в четверг». Я давно обещал отпустить ребят после обеда в среду, чтобы они смогли съездить в Честер. И все об этом знали. Это было частью плана. Я не хотел, чтобы кто-то упрекнул моих игроков в бессердечности, раз они едут веселиться в Честер в

такой день, после объявления о моем уходе. Именно поэтому дал им выходной заранее, аж за целую неделю.

Затем я поднялся наверх к тренерскому составу и выложил им свою новость. Они все заплодировали. «Наконец-то от тебя избавимся», – заметил кое-кто из них.

Из этих двух групп игроки были ошарашены куда сильнее. Наверняка в их голове немедленно стали появляться вопросы: «Понравлюсь ли я новому тренеру? Останусь ли в команде на следующий сезон»? Тренеры же наверняка думали: «Всё, в команде мне больше места нет». Я почувствовал, что мне пора покончить с объявлениями и объяснениями и начать собираться с мыслями.

Я заранее решил сразу после объявления пойти домой. Знал, что в прессе новость произведет эффект разорвавшейся бомбы. И не хотел выбираться из Каррингтона через кордоны журналистов и в свете софитов.

Я заперся в своем доме и не выходил на связь. Мой адвокат Джейсон и секретарь Лин одновременно прислали мне сообщения, как только было сделано заявление о моем уходе, а затем сообщения от Лин приходили мне в течение 15 минут подряд. Как выяснилось, 38 газет в мире вышли с новостью о моем уходе на первой полосе, в том числе и «Нью-Йорк Таймс». В британской прессе были даже 10- и 12-страничные приложения к основным выпускам.

Такой шквал публикаций меня приятно удивил. За годы работы у меня неоднократно бывали стычки с пишущей братией, но я никогда не держал на них зла. Журналисты всегда находятся под давлением, ведь им надо суметь обскать телевидение, интернет, социальные сети типа «Фейс бука» или «Твиттера», да к тому же над ними всегда нависает их собственный редактор. Это тяжелый труд.

Количество и содержание публикаций показали мне, что, несмотря на все конфликты, пресса также не держала на меня зла. Они признавали мою ценность для футбольного сообщества и давали высокую оценку моим выступлениям на пресс-конференциях. Они даже вручили мне подарки: торт, на верхушке которого был изображен фен[1 - Разносы, которые Фергюсон устраивал своим игрокам после неудачных матчей, вошли в легенду и породили неологизм «hairdryer treatment»: кричать на кого-то так, что поднимается ветер. (Примеч. переводчика.)], и бутылку хорошего вина. Я с удовольствием принял

это подношение.

На домашней игре против «Суонси Сити» для меня исполнили песни My Way Фрэнка Синатры и Unforgettable Нэта Кинга Коула. Мы выиграли тот матч так же, как выиграли многие из 895 игр, в которых мой «Манчестер» был сильнее соперника: забив решающий гол в конце встречи, на 87-й минуте (это сделал Рио Фердинанд).

Моя речь на футбольном поле была чистым экспромтом. Я знал только, что не буду хвалить никого в отдельности. И говорил не о директорах, не о фанатах, не об игроках. Говорил о футбольном клубе «Манчестер Юнайтед».

Я призвал фанатов поддержать нового главного тренера Дэвида Мойеса: «Я хотел бы напомнить вам, что у нас с вами бывали плохие времена. Но клуб поддерживал меня. Все мои помощники поддерживали меня. Игроки стояли за меня горой. Так что теперь ваша обязанность – поддержать нашего нового главного тренера. Это очень важно».

Если бы я не упомянул в своем выступлении Дэвида, могли бы возникнуть вопросы вроде: «А кто стоит за этим решением? Рад ли Фергюсон видеть Мойеса в качестве своего преемника или нет?» Мы обязаны были продемонстрировать безусловную поддержку нового тренера. Клуб должен был продолжать побеждать. Это желание объединяло нас всех. Теперь я директор клуба, и более, чем кто-либо другой, хочу, чтобы он оставался таким же успешным, как и раньше. Ведь теперь я могу так же наслаждаться матчами, как Бобби Чарльтон после завершения своей карьеры. Вы хоть раз видели Бобби после выигранного матча? Глаза горят, он потирает руки от удовольствия, ему все нравится. И я хочу того же. Хочу посещать матчи еврокубков и говорить: «Горжусь этой командой, это великий клуб».

В конце своего выступления я также особо отметил Пола Скоулза. Знал, что ему это не понравится, но не мог ничего с собой поделать. Пол, как и я, завершал свою карьеру в тот день. Я также пожелал Даррену Флетчеру скорейшего возвращения в клуб после операции на желудке.

Через несколько дней в аэропорту ко мне подошел какой-то парень и вручил конверт, сказав, что хотел отправить его мне по почте. В нем была статья из ирландской газеты, где говорилось, что я покинул команду так же, как и

управлял ею: на своих собственных условиях. «Типичный Фергюсон», – написал автор. Я оценил этот пассаж. Именно так я и воспринимал свою работу в клубе и был горд, что так считали и другие.

После моего ухода с тренерского мостика Дэвид привел с собой трех собственных помощников: Стива Раунда, Криса Вудса и Джимми Ламсдена. Он также добавил в тренерский штаб Райана Гиггза и Фила Невилла, что означало увольнение Рене Мёленстена, Мика Фелана и Эрика Стила. Это было решение Дэвида. Я говорил ему, что буду очень благодарен, если он оставит в клубе моих помощников, но запрещать ему приглашать собственных ассистентов был не вправе.

Джимми Ламсден работал с Дэвидом бок о бок в течение многих лет. Я знаю его еще с тех пор, когда играл за «Рейнджерс», он ведь родился буквально в паре километров от меня, в соседнем с Гованом районе. Он славный малый, настоящий знаток футбола. Меня огорчает, когда хорошие парни теряют свою работу, и в футболе такое не редкость. Но все прошло более-менее хорошо. Я сказал трем своим помощникам, как сильно сожалею, что они не могут остаться. Мик, работавший со мной на протяжении 20 лет, ответил, что мне не за что извиняться, и поблагодарил меня за все те годы, что мы провели бок о бок.

Оглядываясь назад, я вспоминаю не только победы, но и поражения. Я проиграл три финала Кубка Англии: по разу «Эвертону», «Арсеналу» и «Челси». Проигрывал в финале Кубка лиги клубам «Шеффилд Уэнсдей», «Астон Вилла» и «Ливерпуль». Двух титулов победителя Лиги чемпионов лишила меня «Барселона». Это часть истории «Манчестера»: преодоление поражений. Я всегда помнил, что футбол – это не только триумфы и парады победителей. Когда мы проиграли в финале Кубка Англии «Эвертону» в 1995 году, я сказал: «Всё, хватит, пора меняться». И мы поменялись. Мы ввели в состав молодых игроков, так называемый «Класс-92». Мы не могли больше мариновать их. Это была группа особенных ребят.

Поражения в матчах всегда оказывают на тебя влияние. Обмусолить произошедшее у себя в голове и потом продолжать делать то же самое, что привело к проигрышу, – не в моем стиле. Поражение же в финальном матче производит особый эффект, особенно если ты нанес по воротам 23 удара, а твой соперник – всего два, или если ты проиграл в серии пенальти. В таком случае моя первая мысль всегда такова: «Ну-ка, быстро думай, что ты должен сделать».

И мой мозг начинает соображать, что можно улучшить, как такое можно исправить. Вместо того чтобы впасть в уныние, я просчитываю варианты, и это очень полезный для меня навык.

Порою поражение оказывается лучшим результатом, чем победа. Умение отвечать на удары судьбы – важное качество. Даже в самые тяжелые периоды жизни ты показываешь свою силу. Есть такое отличное выражение: «Это просто еще один день в истории «Манчестер Юнайтед». Другими словами, необходимость отражать удары – это часть нашей жизни. Если ты равнодушно относишься к поражениям, значит, тебе не раз еще придется их испытать. Часто мы теряли два очка из-за гола, забитого соперником в последние минуты игры, после чего выигрывали шесть или семь матчей подряд. И это не было совпадением, уверяю вас.

Настоящие болельщики выходят на работу в понедельник, все еще находясь под впечатлением от игры в выходные. В январе 2010 года один парень написал мне: «Вы можете вернуть мне 41 фунт, который я заплатил за свой билет на воскресную игру? Вы обещали мне зрелище, но никакого зрелища не было. Могу ли я получить назад свои деньги?» Вот такой был фанат. Мне сразу же захотелось написать ему в ответ: «Легко, спишите этот 41 фунт из моих доходов за последние 24 года».

Ты выигрываешь в крутых матчах против «Ювентуса» или мадридского «Реала», а потом приходит кто-то и просит вернуть деньги за относительно спокойную воскресную игру. Если ли в мире другой клуб, от игры которого так же сильно захватывает дух, как от матчей «Манчестер Юнайтед»? Была бы моя воля, во всех программках писал бы предупреждение для болельщиков: «Если мы проигрываем 0:1 за 20 минут до конца игры, отправляйтесь домой. Иначе вас могут унести с трибун на носилках, и вы окажетесь в итоге в Королевской больнице Манчестера».

Думаю, все согласятся, если скажу, что на играх «Манчестера» никто никогда не был обманут. Они никогда не были скучными.

Глава вторая

Шотландские корни

Девиз клана Фергюсонов в Шотландии звучит на латыни как «Dulcius ex asperis», что значит: «После испытаний слаще». За 39 лет на тренерском посту эта мысль не раз выручала меня. В течение своей карьеры, начиная от четырех коротких месяцев в «Ист Стерлингшире» в 1974 году и заканчивая «Манчестер Юнайтед» в 2013-м, даже в самых тяжелых ситуациях я всегда видел восходы будущих побед. Вера в то, что рано или поздно мы преодолеем любые трудности, победим любого соперника, поддерживала меня, помогала год за годом принимать любой вызов, брошенный судьбой.

Много лет назад в посвященной мне статье я прочел: «Алекс Фергюсон добился в жизни многого, хоть и родился в Говане». Немного оскорбительно, не правда ли? На самом деле я добился такого успеха в футболе именно потому, что родился в судостроительном районе Глазго. Ваше происхождение никогда не может быть препятствием на пути к успеху. Скромное начало – скорее плюс, чем минус. Изучите внимательно жизнь успешных людей, взгляните на их родителей, посмотрите, чего они добились благодаря энергии и мотивации. Для многих великих игроков происхождение из низов не было помехой. Наоборот, часто это одна из ступенек к их успеху.

Когда я начинал свою карьеру на тренерской скамейке, работая с «Ист Стерлингшир», мои игроки получали по 6 фунтов в неделю. А в 2009 году мой «Манчестер» продал Криштиану Роналду в мадридский «Реал» за 80 миллионов фунтов. Мои парни в «Сент-Миррене» зарабатывали по 15 фунтов в неделю, и летом им приходилось самим добывать себе средства к существованию, потому что в межсезонье их работа не оплачивалась. На протяжении восьми лет моей работы в «Абердине» максимальная зарплата игрока, установленная председателем совета директоров клуба Диком Дональдом, равнялась 200 фунтам в неделю. Так что за почти четыре десятилетия, проведенных мною на тренерском посту, заработки футболистов под моим началом выросли с 6 фунтов в неделю до 6 миллионов в год.

У меня есть письмо от парня, который в 1959–1960 годах работал в доке Гована и любил проводить время в одном пабе. Он вспоминает молодого агитатора, который ходил по заведению с консервной банкой и собирал деньги для забастовочного фонда, толкая пламенные речи. Единственное, что он знал про этого парня, – тот играл за футбольный клуб «Сент-Джонстон». Письмо

заканчивалось вопросом: «Не вы ли это были?»

В первый раз прочитав письмо, я не сразу понял, о чем идет речь; никакой политической деятельностью я никогда не занимался. Но в конце концов припомнил, что действительно ходил по пабам и собирал деньги на забастовку. Однако политик из меня был никудышный, а назвать мои выкрики «речью» можно было лишь с большой натяжкой: мне явно недоставало ораторских качеств. А когда меня попросили обосновать свою денежную просьбу (все посетители были уже хорошо подшофе и были рады развлечься рассказом молодого сборщика средств), я с трудом сумел связать два слова.

В молодости пабы были для меня школой жизни. Чтобы обеспечить будущее своей семьи, я вложил все скромные сбережения в лицензию на торговлю алкоголем. Мое первое заведение располагалось на пересечении улиц Гован-роуд и Пейсли-роуд-вест и было пристанищем докеров. Работа в пабах научила меня понимать людей, их мечты и разочарования; в дальнейшем мне это сильно пригодилось в тренерской работе, хотя тогда я даже и не помышлял о чем-то подобном.

К примеру, в одном из моих пабов у нас был такой «Уэмбли-клуб»: посетители скидывались в течение двух лет, взамен получая возможность поехать на матч между Англией и Шотландией на стадион «Уэмбли». Я обязывался удвоить банк, чтобы парни могли отправиться в Лондон на целых четыре или пять дней, а в день игры должен был присоединиться к ним. Ну, так оно должно было работать в теории. Мой лучший друг, Билли, отправился на игру в четверг и вернулся лишь спустя семь дней. Такое незапланированное удлинение сроков поездки привело к неизбежной ссоре с его семьей.

В следующий четверг после субботней игры на «Уэмбли» в моем доме раздался телефонный звонок. Это была Анна, жена Билли. «Кэти, – сказала она, – спроси у Алекса, где мой муж». Я что-то врал напропалую. Около сорока наших завсегдатаев отправились на «Уэмбли» к башням-близнецам, и я понятия не имел, почему Билли находится в самовольной отлучке. Но ведь для рабочих парней моего поколения большой футбольный матч был священным паломничеством, и дух товарищества, связывавший их в такой поездке, они ценили не меньше самой игры.

Один из наших пабов располагался на Мэйн-стрит, в одном из крупнейших протестантских районов Глазго, Бриджтоне. В субботу за неделю до Оранжевого

марша ко мне пришел местный почтальон Здоровяк Тэм и спросил: «Алекс, парни интересуются, во сколько ты откроешься утром в субботу? Для марша. Мы собираемся идти в Ардроссан (это город на западном побережье Шотландии). Автобусы отходят в 10 утра, – говорил Тэм. – Все пабы будут открыты. Ты тоже должен открыться».

Я был в замешательстве: «Ну, во сколько мне нужно открыться?»

– В семь утра, – ответил Тэм.

Поэтому в 6:15 утра я был на месте вместе с отцом, братом Мартином и нашим барменом-итальянцем. Тэм велел как следует запастись выпивкой, что мы и сделали. Я открылся в 7 утра, и вскоре в пабе было не протолкнуться от громкоголосых оранжистов, на которых полиция не обращала никакого внимания.

За следующие два с половиной часа я заработал четыре тысячи: двойная водка шла на ура. Мой отец сидел и только головой качал. К 9:30 мы уже драили паб, пытаюсь привести заведение в порядок перед приходом новых посетителей. Пришлось как следует поработать щеткой, но зато в кассе у меня лежало четыре тысячи.

Работа в пабах отнимала много сил, и к 1978 году я уже был готов сбежать от всех изнурительных обязанностей, связанных с нашими двумя забегаловками. Руководство «Абердином» не оставляло мне времени на выяснение отношений с посетителями или на контроль над бухгалтерией. Но сколько же замечательных историй произошло со мной за эти годы, из них одних можно было бы составить книгу! К примеру, в субботу утром ко мне приходили докеры вместе с женами, чтобы забрать свою пятничную получку, сданную с вечера мне на хранение в сейф за барной стойкой. Вечером в пятницу я чувствовал себя миллионером. Я не знал, какая часть денег в сейфе и кассе принадлежит мне, а какая им. В первые годы Кэти считала их, раскладывая на ковре. Утром же мужики приходили снова, чтобы забрать свои кровные. Все записи этих операций велись в так называемой «долговой книге».

Одна моя посетительница по имени Нэн слишком рьяно отслеживала все финансовые операции мужа, а разговаривала она, как заправский грузчик. «Думаешь, мы все тут тупые?» – как-то раз спросила она, уставившись на меня.

- Что? - ответил я, выигрывая время.

- Ты думаешь, мы все тут тупые? Эта долговая книга, я хочу посмотреть на нее.

- О, нет, тебе нельзя, - сымпровизировал я. - Она неприкосновенна. Налоговой инспектор не разрешил бы тебе брать ее в руки. Тебе нельзя ее видеть, ведь инспектор проверяет ее каждую неделю.

Успокоившись, Нэн повернулась к своему мужу и спросила его: «Это правда?»

- Хм, я не уверен, - ответил тот.

Но буря уже прошла. «Если я обнаружу имя своего мужика в этой книге, я никогда больше не приду сюда», - говорила Нэн.

Я прекрасно помню свою молодость, проведенную среди сильных и стойких людей, пусть порой и грубых. Иногда мне приходилось возвращаться домой с фингалом под глазом или раскальвающейся от боли головой, ведь насилие не редкость в пабах. Поэтому когда кто-то начинал буяннить или вспыхивала драка, мне приходилось вмешиваться, чтобы восстановить порядок. Я старался растаскивать противников, и часто за это приходилось расплачиваться. Но оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что это было прекрасное время. Хорошие люди, забавные истории.

Вспоминаю парня по имени Джимми Уэстуотер, заглянувшего в паб с абсолютно серым лицом. «Господи, с тобой все в порядке?» - спросил я. Как оказалось, Джимми обмотался контрабандной чесучой, чтобы протащить ее через доки незамеченным. Целой кипой чесучи. Но он перестарался и еле-еле мог дышать.

Другой парень по имени Джимми, работавший на меня и содержавший паб в идеальной чистоте, как-то заявился на работу в галстук-бабочке. Один из посетителей недоверчиво посмотрел на него и сказал: «Бабочка в Говане? Да ты, должно быть, шутишь!» А как-то вечером в пятницу я обнаружил в пабе парня, продающего у барной стойки мешки с птичьим кормом - в этой части Глазго чуть ли не каждый второй разводил голубей.

- Что это? - спросил я.

– Птичий корм, – ответил он так, как будто это было что-то само собой разумеющееся.

Один ирландец по имени Мартин Корриган гордился тем, что мог достать любую вещь из домашнего обихода. Посуду, столовые приборы, холодильник – все что пожелаете. Другой парень как-то раз зашел в бар и заявил: «Нужен бинокль? А то я на мели» – и показал красивейший бинокль, обернутый в пергаментную бумагу. «Отдам за пятерку», – добавил он.

– При одном условии, – ответил я. – Я дам тебе за него пятерку, но ты будешь пить здесь, а не пойдешь к Бакстеру.

Хороший был парень, с дефектом речи. Он согласился и немедленно потратил три фунта на выпивку.

Кэти ругалась, когда я приносил подобные покупки домой. Как-то раз я притащился с отличной итальянской вазой, которую она потом видела в магазине с ценником, на котором стояло: 10 фунтов. Проблема была только в том, что в пабе я заплатил за свою 25. В другой день я похвастался новым замшевым пиджаком, сидевшим на мне просто отлично.

– Сколько? – спросила она.

– Всего 7 фунтов, – ответил я вне себя от радости.

Так что я оставил его. Через две недели мы собирались на небольшую вечеринку к ее сестре. Я надел этот пиджак и стоял перед зеркалом, любясь собой. Вы же знаете, как мужчины одергивают рукава вниз, чтобы они сели как надо? Именно это я и сделал – и оба рукава сразу же оторвались, так что я оказался в безрукавке вместо пиджака.

Кэти хохотала до слез, пока я орал: «Я убью его!» У пиджака даже не было подкладки.

У меня на стене в бильярдной висит фотография моего лучшего друга Билли. Тот еще парень был. Не мог себе даже чаю заварить. Как-то раз, пообедав, мы пришли к нему домой, и я сказал ему: «Поставь чайник». Он вышел из комнаты и

вернулся только через 15 минут. Где он был? Звонил по телефону своей жене Анне, чтобы узнать, как заваривают чай.

Однажды Анна ушла, оставив в духовке мясной пирог, тогда как Билли остался дома: он смотрел фильм «Ад в поднебесье». Анна вернулась два часа спустя и обнаружила, что вся кухня в дыму.

– Господи боже, почему ты не выключил духовку? Ты что, не видишь, сколько дыма?! – закричала она.

– Я думал, это дым из телика, – оправдывался Билли. Он решил, что это такой спецэффект от горящего небоскреба.

Все любили собираться в доме Билли, он притягивал к себе гостей, словно свет – мотыльков. Впрочем, никто не называл его Билли, все звали его Маккечни. Они с Анной воспитали двух прекрасных сыновей, Стивена и Даррена, и они по-прежнему дружат с моими мальчиками. К сожалению, Билли больше нет с нами, но я никогда не забуду его и нашу веселую жизнь.

У меня осталось много хороших друзей со времен жизни в Глазго. С Данканом Петерсеном, Томми Хендри и Джимом Макмилланом мы знакомы с четырех лет, когда вместе ходили в детский сад. Данкан работал водопроводчиком в компании ICI в Грейнджмуте. Он очень рано вышел на пенсию, у него отличный дом во Флориде, в Клируотере, и они с женой любят путешествовать. Томми, у которого были проблемы с сердцем, – инженер, как и Джим. Четвертый мой друг, Ангус Шоу, ухаживает за своей больной женой. Еще один мой близкий друг, Джон Грант, в 60-х годах переселился в ЮАР, его жена и дочь занимаются оптовой торговлей.

Когда я в молодом возрасте покинул клуб «Хармони Роу», наши пути с парнями из Гована разошлись. Они были уверены, что я зря ушел из команды, перейдя в «Драмчапел Амадёрс». Мик Макгован, руководивший «Хармони Роу», никогда больше со мной не разговаривал. Он всегда был слишком бескомпромиссным, «одноглазый» Мик Макгован. Горячий приверженец «Хармони Роу», он просто вычеркнул меня из своей жизни, когда я ушел из клуба. Но с парнями из Гована мы продолжали вместе ходить на дискотеки вплоть до 19 или 20 лет. Примерно в то же время мы начали встречаться с девушками.

Но потом мы стали отдаляться друг от друга. Я женился на Кэти и переехал в Симшилл. Они тоже все переженились. Дружбе, казалось, пришел конец, и мы стали видеться очень редко. Джон и Данкан играли вместе со мной в «Куинз Парк» в 1958–1960 годах. На тренерской работе у тебя практически не остается времени на что-либо еще, уж в «Сент-Миррене» у меня его точно не было. Но наша связь все-таки не прервалась. Примерно за два месяца до моего ухода из «Абердина» мне позвонил Данкан и пригласил на свою серебряную свадьбу в октябре. «Вы с Кэти придете?» – спросил он. Я ответил, что мы будем чертовски рады. Это был поворотный момент в нашей дружбе. Все парни были на юбилее, и празднование вновь объединило нас. Мы были взрослые люди, со своими семьями. В следующем месяце я переехал в Манчестер, и с тех пор мы продолжаем держать связь.

Вступая в двадцатилетний возраст, человек часто теряет связь со старыми друзьями, но мои товарищи сумели сохранить свою дружбу. Это я пошел другим путем, у меня была иная жизнь. Я не пытался избегать их – просто так сложилось. Управлял двумя пабами и одновременно был тренером в «Сент-Миррене». А затем в 1978 году мне предложили возглавить «Абердин».

Эта дружба поддерживала меня, когда я работал в Манчестере. Они часто приезжали ко мне домой в Чешир, чтобы вместе пообедать и попеть наши любимые песни. Они все прекрасно пели. Когда же наступал мой черед, хмель так сильно ударял мне в голову, что я чувствовал себя великим певцом. Ничуть не хуже Фрэнка Синатры. Я был полностью уверен, что могу великолепно исполнить Moon River. Но едва начав петь, обнаруживал, что в комнате никого нет. «Вы приходите в мой дом, едите мою еду, а когда я начинаю петь, вы все вдруг оказываетесь в другой комнате за теликом», – жаловался я.

– Мы не можем слышать твои завывания, – следовал ответ. – Это невыносимо.

Мои друзья – отличные, надежные люди. Многие уже женаты по сорок лет. Да уж, они могут всыпать мне по первое число, выложить всю правду-матку. Но им это сходит с рук, ведь они любят меня, мы слеплены из одного теста, вместе выросли. Они очень поддерживали меня. Когда они приезжали, «Манчестер» чаще всего побеждал. Если же мы проигрывали, они сочувственно говорили мне: «Это была отличная работа». Не «Это никуда не годилось», а «Это была отличная работа».

Я по-прежнему тесно общаюсь со своими друзьями из Абердина. По моему мнению, в Шотландии, чем дальше ты забираешься на север, тем сдержаннее становится народ. Чтобы установить дружбу, требуется больше времени, но зато эти связи оказываются глубже и прочнее. Как у меня с Гордоном Кэмпбеллом, с которым мы часто проводим отпуск, моим юристом Лесом Дальгарно, Аланом Макреем, Джорджем Рэмзи, Гордоном Хатчеоном.

Чем больше я увязал в работе в «Манчестере», тем меньше времени у меня оставалось на общение с друзьями. Я перестал появляться на субботних посиделках, футбол забирал у меня все силы. Если матч начинался в 3 часа дня, я приходил домой не раньше 20:45. Такова цена успеха: 76 тысяч зрителей отправлялись домой в одно и то же время. Потребность развеяться, выйти в люди стала у меня угасать. Но в то же время круг моих друзей расширился: Ахмет Курчер, управляющим отелем «Олдерли Эдж», Сотирис, Миммо, Мариус, Тим, Рон Вуд, Питер Дон, Джек Хэнсон, Пэт Мёрфи и Пит Морган, Джед Мейсон, великолепный Харольд Рили и, конечно, весь мой персонал – все они были очень верны мне. Два моих старых друга из Глазго, Джеймс Мортимер и Уилли Хоги, плюс Мартин О’Коннор и Чарли Стиллитано из Нью-Йорка, Экхард Краутцун из Германии – тоже отличные люди. Когда я собирался с силами, мы закатывали отличные вечеринки.

В мои первые годы в Манчестере я был очень дружен с Мэлом Мачином, тренером «Сити». Его уволили вскоре после того, как они обыграли нас со счетом 5:1. Говорят, это потому, что он «недостаточно улыбался». Ха, если бы мое руководство пользовалось той же логикой, меня бы самого уволили давным-давно. Огромную поддержку мне оказывал Джон Лайалл, тренер «Вест Хэм Юнайтед». Я не знал еще всех английских игроков и не был уверен в скаутах «Манчестера», поэтому частенько звонил Джону с просьбой прислать мне его досье на интересовавших меня футболистов, что он и делал. Я доверял ему и многое рассказывал. Если он считал, что «Манчестер» плохо играл, то говорил мне: «Не вижу, что это команда Алекса Фергюсона».

Бывший тренер «Рейнджерс», вспыльчивый Джок Уоллес-младший, как-то тоже сказал мне одной ночью в отеле: «Я не вижу, что это команда Алекса Фергюсона. Тебе бы лучше поскорее его вернуть». Эти люди добровольно помогали мне своими советами, просто как другу. Это лучшая дружба. Бобби Робсон был главным тренером английской сборной, поэтому поначалу наши отношения были чисто деловыми, но потом мы тоже сблизились и стали друзьями. Ленни Лоуренс – еще один мой большой друг с тех времен.

Тесная связь между мной и Бобби Робсоном проявилась на праздновании 50-летнего юбилея Эйсебио в Португалии, когда мы играли там с «Бенфикой». В том матче в футболке «Манчестера» впервые появился на поле Эрик Кантона. Бобби в те годы тренировал португальские «Спортинг» и «Порту», и после матча он пришел в наш отель, нашел Стива Брюса и сказал ему прямо перед всеми игроками: «Стив, я допустил ошибку в отношении тебя. Мне следовало вызвать тебя в сборную. Я хочу за это извиниться».

Многое из того, что я знал к концу своей карьеры, я усвоил именно в те ранние годы, часто даже не понимая этого. О человеческой природе я многое узнал задолго до того, как отправился работать в Манчестер.

Очень часто другие люди не воспринимают мир или игру так, как их видишь ты, и иногда тебе приходится мириться с этой реальностью. К примеру, в «Сент-Миррене» у меня был игрок, Дэйви Кэмпбелл. Он мог бегать так же быстро, как гончая, только вот кролика ему поймать не удавалось. Как-то в перерыве матча я устраивал ему разнос, когда дверь в раздевалку распахнулась, зашел его отец, прокричал: «Дэйви, сынок, ты играешь блестяще, так держать!» – и тут же удалился.

Однажды мой «Ист Стерлингшир» играл в Коуденбите, а мы не посмотрели прогноз погоды перед матчем. Поле было твердым, как кирпич. Нам пришлось отправиться в город, чтобы купить там 12 пар бейсбольных ботинок: в те времена у нас не было бутс с резиновой подошвой. К перерыву мы проигрывали со счетом 0:3. Во второй половине кто-то вдруг постучал меня по плечу, я обернулся и увидел Билли Рентона, моего бывшего партнера по команде. Он сказал: «Алекс, я хочу познакомить тебя со своим сыном».

Я воскликнул: «Ради Бога, Билли, нас тут разделяют под орех!»

В том же самом матче Фрэнк Коннор, хороший человек, но обладающий ужасным характером, выбросил на поле скамейку, так как был недоволен решением судьи. Я заметил ему: «Черт возьми, Фрэнк, вы ведете 3:0!»

– Это форменное безобразие! – прокричал Фрэнк в ответ.

Вот такие страсти кипели рядом со мной.

Мне вспоминается истории противостояния Джока Стина и Джимми Джонстона, легендарного игрока, но и не менее легендарного кутилы. Однажды Джок заменил Джимми в середине игры в качестве наказания за то, что тот не хотел ехать в Европу на выездной матч. Джимми, уходя с поля, ударил по скамейке запасных и прокричал: «Ах ты, одноногий ублюдок!», после чего убежал в подтрибунные помещения. Здоровяк Джок последовал за ним, и Джимми заперся в раздевалке.

- Открой эту дверь! - заорал Джок.

- Нет, ты убьешь меня! - прокричал в ответ Джимми.

- Открой эту дверь! - повторил Джок. - Я предупреждаю тебя.

Джимми открыл дверь и прыгнул в ванну, полную горячей воды.

Джок прокричал: «А ну, вылезай оттуда!»

- Нет, не вылезу, - ответил Джимми.

На поле же тем временем игра шла своим чередом.

Тренерская работа – это просто нескончаемый поток вызовов. Равно как и изучение человеческих слабостей. Как-то раз несколько шотландских игроков после обильного возлияния решили покататься на гребных лодках. В итоге Джимми Джонстон, прозванный Джинки, распевая песни, лишился вёсел и был унесен в море. Когда Джоку Стину сообщили, что береговая охрана спасла Джинки с гребной лодки в заливе Ферт-оф-Клайд, тот засмеялся: «Он не мог утонуть, а? Мы бы устроили ему шикарные похороны, присмотрели бы за его женой Агнес, а у меня все еще были бы мои волосы».

Джок был забавный малый. В мае 1985-го, когда мы вместе работали в сборной Шотландии, мы победили англичан на «Уэмбли» со счетом 1:0, после чего, очень довольные собой, отправились на отборочную игру чемпионата мира в Рейкьявик. Вечером после прилета мы устроили банкет с креветками, лососем и икрой. Джок не употреблял спиртное, но я заставил его выпить один бокал белого вина в ознаменование нашей победы над Англией.

В матче с исландцами наша игра была просто ужасной, и мы еле-еле вымучили победу 1:0. После окончания встречи Джек повернулся ко мне и сказал: «Видишь? Это все ты и твое белое вино».

Несмотря на весь предшествующий опыт, в первые годы в «Манчестере» я действовал осторожно. Моя вспыльчивость помогала мне, потому что когда я выходил из себя, начинал проявляться мой характер. У Райана Гиггза тоже вспыльчивый нрав, но он реагирует медленно. Я же сразу высказывал свое мнение. Это помогало мне завоевывать авторитет, показывало игрокам и персоналу, что со мной лучше не связываться.

Всегда есть люди, которые хотят поспорить с тобой, бросить тебе вызов. Когда я начинал свою карьеру тренера, в первые дни в «Ист Стерлингшире» у меня было противостояние с центральным нападающим, зятем одного из директоров по имени Боб Шоу.

Как-то раз в сентябре этот игрок, Джим Микин, сообщил мне, что вся его семья уехала из города на выходные. Дескать, такая у них была традиция.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Ну, вы же понимаете, я не смогу сыграть в субботнем матче, – ответил Джим.

– Знаешь тогда что? – ответил я. – Хорошо, езжай к семье, не выходи на поле в субботу. Можешь вообще больше не выходить играть.

Он остался, принял участие в матче и сразу после встречи поехал на своей машине в Блэкпул.

В понедельник я получил от него звонок: «Босс, у меня сломалась машина». Вроде бы в Карлайле. Ха, должно быть он решил, что я дурак и ничего не пойму. Не раздумывая ни секунды, я ответил ему: «Плохо тебя слышу, продиктуй мне свой номер, я тебе тут же перезвоню».

В ответ раздалось молчание.

– Можешь не возвращаться, – сказал я.

Естественно, директор Боб Шоу был после этого мною очень недоволен, причем не одну неделю. Председатель клуба говорил мне: «Алекс, верни Джима в состав, а то Боб Шоу мне уже всю плешь проел».

Я ответил: «Нет, Уилли, с Джимом все кончено. Или ты хочешь сказать, что я не имею права поступать как следует с игроками, которые вдруг решили устроить себе отпуск посередине сезона?»

– Да я все понимаю, но разве три недели вне игры – не достаточное наказание? – сказал он.

Через неделю, на игре в Форфаре, он пошел за мной в туалет, встал сзади и простонал: «Алекс, прошу тебя, верни Джима, ради всего святого!»

После некоторой паузы я сдался: «Ну хорошо».

И тогда он поцеловал меня! «Что ты делаешь, старый хрыч, ты же целуешь меня в общественном туалете!» – воскликнул я.

Вскоре, в октября 1974 года, я отправился работать в «Сент-Миррен». Начался новый этап моего постижения тренерского искусства. В первый же день я принял участие в фотосессии для «Пейсли Экспресс» и на одном из снимков заметил капитана команды, показавшего неприличный жест за моей спиной. В следующий понедельник я вызвал его к себе и сообщил: «Я даю тебе свободно уйти в любой клуб. В этой команде тебе нет места, ты больше играть не будешь».

– Почему? – спросил он.

– Для начала, твой неприличный жест за моей спиной говорит мне, что либо ты неопытный игрок, либо ты не можешь считаться взрослым человеком. На должности капитана мне нужен зрелый игрок, а твоя выходка достойна детского сада, но никак не футбольной команды. Тебе придется покинуть клуб.

Ты должен показать им, кто в доме хозяин. Как сказал мне однажды об игроках Джок Стин: «Никогда не влюбляйся в них, ибо они обязательно тебя подведут».

В «Абердине» мне не раз приходилось разбирать проступки игроков. О, сколько их было, и самых разных! Наблюдать за их реакцией было просто гомерически смешно.

- Кто, я? – говорили они, всем своим видом изображая невинность.

- Ага, ты.

- Да я просто друга ходил проведать.

- Серьезно? Целых три часа? И вернулся мертвецки пьяным?

Марк Макги и Джо Харпер в «Абердине» не раз испытывали мое терпение. В «Сент-Миррене» у меня любил «погулять» Фрэнк Макгарви. Как-то раз мы отправились играть в гостях за Кубок Шотландии против клуба «Мотеруэлл», и с нами приехало 15 тысяч фанатов. Матч на стадионе «Фир Парк» закончился нашим поражением со счетом 1:2 и вылетом из Кубка. А на меня пожаловались в Шотландскую футбольную ассоциацию за то, что я ругался на судью.

Тем же вечером у меня дома прозвенел телефон, и мой приятель Джон Донахи сказал мне: «В пятницу вечером я видел Макгарви в пабе, мертвецки пьяного. Не хотел тебе рассказывать об этом до матча, потому что знал, как ты на это отреагируешь». Я набрал домашний номер Макгарви, и трубку взяла его мама: «Скажите, а Фрэнк дома?»

- Нет, – ответила она. – Он в городе. Может быть, ему что-нибудь передать?

- Не могли бы вы попросить его позвонить мне, когда он вернется? Даже если уже будет поздно? Я не лягу спать, пока с ним не поговорю, – сказал я.

Без четверти двенадцать мой телефон зазвонил. По сигналам в трубке я понял, что мне звонят из телефона-автомата. «Я дома», – это был Фрэнк. «Ты звонишь из телефона-автомата?» – спросил я. «Ага, у нас такой в доме стоит», – ответил Фрэнк. Это была правда, но я был уверен, что он звонит не из дома.

- Где ты был в пятницу вечером?

– Не помню, – ответил он.

– Что ж, я тебе напомню. Ты был в баре «Ватерлоо», вот где ты был. Все, ты отстранен от игр навсегда. Не возвращайся в команду. И в молодежной сборной тебя тоже не будет, забудь. Ты никогда больше в своей жизни не ударишь по мячу в официальных матчах.

И я повесил трубку.

На следующее утро мне позвонила его мама: «Мой Фрэнк никогда не пьет. Вы ошиблись». Я ответил ей: «Не думаю. Понимаю, каждая мать боготворит своего ребенка, но вам лучше бы еще разок поговорить с ним».

В течение трех недель я не допускал его к играм, и все игроки ворчали по этому поводу.

Приближалась очень важная игра против клуба «Клайд-бэнк», и я сказал своему помощнику Дэйви Провану, что хотел бы снова видеть в команде Фрэнка. За неделю до игры вся команда собралась в ратуше в Пейсли. Я шел туда вместе с Кэти, когда вдруг из-за колонны у ратуши выскочил Фрэнк и взмолился: «Босс, дайте мне еще один шанс!». Это был просто подарок с небес. Только я думал, как бы мне вернуть его в команду, не теряя лица, и вот он сам тут как тут. Я попросил Кэти оставить нас вдвоем и напустил на себя самый суровый вид: «Я же сказал тебе, что все, это конец». Внезапно появился Тони Фитцпатрик и сказал: «Босс, дайте ему еще один шанс. Я прослежу, чтобы он вел себя как следует».

– Приходи ко мне завтра утром, – рявкнул я. – Сейчас не лучшее время для такого разговора.

После чего присоединился к Кэти в ратуше, внутренне ликуя. Мы выиграли тот матч против «Клайдбэнка» со счетом 3:1, и Фрэнк забил один из голов.

Молодых парней необходимо учить ответственности. Тех, кто сможет осознанно пользоваться своей энергией и талантом, ждет потрясающая карьера.

Одним из моих ценнейших тренерских качеств было умение принимать решения. Я никогда не боялся этого. Даже будучи школьником, подбирая себе игроков в команду, постоянно указывал им: «Ты играешь здесь, ты играешь тут». Уилли Каннингем, тренер «Данфермлайн Атлетик», в котором я играл, любил говорить: «Знаешь, ты просто одно сплошное наказание». Обсуждая с ним тактику на игру, я спрашивал: «Ты уверен в том, что собираешься сделать?»

– Наказание, вот ты кто, – отвечал он мне.

Другие игроки сидели рядом, наблюдая за тем, как я вмешиваюсь в работу тренера, уверенные, что сейчас меня должны убить за такое неподчинение. Но я просто всегда умел принимать решения. Не знаю, откуда это взялось во мне, но уже ребенком я организовывал, руководил, выбирал себе партнеров в команду. Мой отец был простым рабочим, очень умным, но никак не лидером, так что уж точно это у меня не от него.

С другой стороны, я всегда был немного одиночкой, отрезанным ломтем. Как-то раз, когда мне было пятнадцать, я вернулся домой после матча за школьную команду Глазго. В той игре я забил гол нашим соперникам из Эдинбурга, и это был главный день в моей жизни. Дома меня встретил отец и сказал, что со мной хочет побеседовать представитель одного из больших клубов. Мой ответ удивил нас обоих: «Нет, я хочу пойти погулять, хочу посмотреть кино».

– Да что с тобой такое? – воскликнул отец.

А мне просто хотелось побыть одному. Не знаю почему. И даже сегодня не понимаю, почему тогда так поступил. Я просто хотел уединения. Мой отец был восхищен и горд мною, мама плясала от счастья, приговаривая: «Это было просто супер, сынок», бабушка сходила с ума от радости. Забитый эдинбургским школьником гол – это было достижение. Однако мне нужно было сбежать от этого всего в свой маленький уютный мирок, понимаете?

Столько воды утекло с тех пор. Когда я начинал работать в Манчестере в 1986 году, Уилли Макфол был тренером «Ньюкасл Юнайтед», в «Манчестер Сити» распоряжался Джимми Фриззелл, а «Арсенал» тренировал Джордж Грэм. Мне нравился Джордж: хороший человек, отличный друг. В тот год, когда у меня возникли трения с Мартином Эдвардсом по поводу моего контракта, председателем нашего акционерного общества был сэр Роланд Смит. Такой

статус клуба мог привести к проблемам: требовалось время, чтобы вынести вопрос на обсуждение акционеров. Однажды сэр Роланд предложил, чтобы Мартин, юрисконсульт клуба Морис Уоткинс и я вместе отправились на остров Мэн для обсуждения условий моего нового контракта. Джордж в то время зарабатывал в «Арсенале» в два раза больше.

– Я могу дать тебе свой контракт, если ты хочешь, – сказал Джордж.

– Ты в этом уверен? – удивился я.

В итоге я отправился на остров Мэн, имея с собой контракт Джорджа. Мартин Эдвардс был крепким орешком, но он всегда относился ко мне справедливо. Проблема была только в том, что он был абсолютно уверен, что каждый пенни в клубе принадлежит ему. Он платил тебе ровно столько, сколько хотел заплатить. Не только мне – а всем и каждому.

Когда я показал ему контракт Джорджа, он мне не поверил. «Позвони Дэвиду Дину», – предложил я. Он так и сделал, и Дин, вице-председатель совета директоров «Арсенала», заявил, что не платит таких денег Джорджу. Это был какой-то фарс. У меня на руках был контракт Джорджа, лично подписанный Дином, и, однако, он все отрицал. Если бы не Морис и Роланд Смит, я мог бы в тот день подать в отставку. Я был очень близок к уходу из клуба.

Из этой истории можно извлечь урок, как и из всех моих 39 лет на тренерском мостике: ты должен уметь постоять за себя, другого пути нет.

Глава третья

Отставка отменяется

В ту рождественскую ночь 2001 года я клевал носом на диване перед телевизором, в то время как на кухне у меня созрел мятеж. Традиционное место сбора членов нашей семьи стало сценой для заговора, который изменил всю нашу жизнь. Глава мятежников вошла в комнату и, чтобы разбудить меня, ударила меня по ноге. В дверном проеме я увидел три фигуры: мои сыновья

объединились против меня.

– Мы все обсудили, – сказала Кэти. – Мы решили. Ты не уходишь в отставку.

Услышав это, я не нашел в себе сил возразить. «Во-первых, со здоровьем у тебя все в порядке. Во-вторых, я не хочу все время видеть тебя дома. В-третьих, ты все равно еще очень молод». Кэти первой сказала свое слово, но наши дети сразу же поддержали ее. Парни были единодушны. «Ты ведешь себя глупо, отец, – сказали они мне. – Не делай этого. Ты еще многого можешь добиться. Ты создашь новую команду». Вот что значит прикорнуть на пяток минут. В итоге я проработал в клубе еще одиннадцать лет.

Одной из причин, почему я вообще захотел уйти в отставку, были слова Мартина Эдвардса, сказанные им после финала Лиги чемпионов 1999 года в Барселоне. Его спросили, найдется ли для меня другая работа в клубе, если я уйду с поста главного тренера, и он ответил: «Ну, мы не хотим повторения истории с Мэттом Басби». Мне не понравился такой ответ: нельзя было сравнивать между собой два этих периода в истории клуба. В мои годы необходимо было принимать во внимание то, как усложнился футбольный мир из-за агентов, контрактов и средств массовой информации. Ни один человек в здравом уме, уйдя с поста тренера, не захотел бы снова иметь со всем этим дело. Не было ни малейшего шанса, чтобы я захотел вмешиваться в тренировочный процесс или трансферные операции.

Что еще побудило меня подумать об отставке? После той магической ночи в Барселоне у меня возникло ощущение, что я достиг своей вершины. Все мои предыдущие попытки выиграть Лигу чемпионов проваливались, а я всегда мечтал о победе в этом соревновании. Но когда ты добиваешься того, к чему шел всю жизнь, у тебя сразу же возникает вопрос, сможешь ли ты взобраться на такую вершину еще раз. Когда Мартин Эдвардс сказал, что хотел бы избежать повторения истории с Мэттом Басби, моя первая мысль была: «Что за чушь!». А потом сразу же: «Шестьдесят лет – достойный возраст, чтобы уйти на покой».

То есть меня жгли изнутри три мысли: досада на Мартина, потревожившего призрак Мэтта Басби, неуверенность в том, что я смогу еще раз выиграть Лигу чемпионов, и собственный 60-летний возраст, ставший моей идеей фикс. Я ведь был тренером с 32 лет.

Достижение 60-летнего возраста может оказать на тебя огромное влияние. Тебе кажется, что ты переходишь в другой класс. Пятьдесят лет – это поворотный момент в жизни. Полвека! Но ты не чувствуешь себя на пятьдесят. А в шестьдесят, наоборот, ты думаешь: «Боже мой, я чувствую, что мне уже 60 лет! Мне уже 60!» Со временем это проходит; ты понимаешь, что это лишь условное изменение, смена одной цифры на другую. Сейчас я уже не думаю так о своем возрасте. Но тогда, в те годы, цифра 60 была для меня психологическим барьером. Это было настоящее препятствие, из-за него я не чувствовал себя молодым. У меня изменилось отношение к собственному здоровью, собственному телу. Победив в Лиге чемпионов, я исполнил свою мечту и теперь мог уйти на пенсию абсолютно счастливым. Вот что побудило меня задуматься об отставке. Но потом я увидел Мартина, изображающего меня в виде надоедливой призрака на плече у нового тренера, и проворчал сам себе: «Что за глупость!»

Конечно, решение не уходить в отставку было для меня настоящим облегчением. Но мне все еще необходимо было обсудить практические нюансы с Кэти и мальчиками.

– Не думаю, что могу дать задний ход, ведь я уже предупредил клуб.

Кэти ответила: «А ты не думаешь, что они могут проявить к тебе уважение и позволить изменить свое решение?»

– Они уже могли найти кого-то мне на замену, – сказал я.

– Но учитывая, сколько ты всего для них сделал, разве не обязаны они дать тебе возможность вернуться? – настаивала она.

На следующий день я позвонил Морису Уоткинсу; он захохотал, услышав про мое желание вернуться. Руководство клуба собиралось встретиться на следующей неделе, чтобы обсудить кандидатуры на мое место. Я думал, что новым тренером «Манчестера» станет Свен-Ёран Эрикссон, такое вот у меня сложилось ощущение. Впрочем, Морис ни разу не подтвердил этого. «Почему Эрикссон?» – спросил я его как-то.

– Может быть, ты прав, а может быть, и нет, – ответил Морис.

Помнится, я спросил как-то Пола Скоулза: «Скоулзи, что такого есть в Эрикссоне?», но он не имел ни малейшего понятия. После разговора со мной Морис сообщил обо всем Роланду Смиту, тогдашнему председателю акционерного общества клуба. «Говорил же я тебе, что это изначально было глупое решение – уйти в отставку. Теперь нам надо сесть и обсудить твое возвращение», – сказал Роланд мне.

Роланд был третий калач. У него была богатая насыщенная жизнь с множеством интереснейших событий. Он мог рассказать тебе сотню чудесных историй. Вот одна из них: как-то раз он присутствовал на обеде с королевой и Маргарет Тэтчер. Ее Величество хотела, чтобы ее самолет немного обновили. Когда Роланд пришел к столу, то заметил, что дамы сидят спиной друг к другу.

– Роланд, – произнесла королева, – не мог бы ты сказать этой женщине, что мой самолет нуждается в ремонте?

– Ваше Величество, – ответил Роланд, – я немедленно позабочусь об этом.

Именно это я хотел бы услышать от него по поводу моего решения не уходить в отставку: что он немедленно позаботится об этом. Первое, на что я обратил внимание Роланда, это необходимость заключения нового контракта: мой истекал тем летом. Нам следовало поторопиться.

В тот самый момент, как я объявил о конкретной дате своего ухода, я понял, что совершил чудовищную ошибку. Все остальные это тоже понимали. Бобби Робсон всегда мне говорил: «Даже и не думай уходить». Бобби был прекрасным человеком. Как-то раз мы отдыхали дома с Кэти, как вдруг зазвонил телефон.

– Алекс, это Бобби. Ты сейчас занят?

– Где ты? – спросил я.

– Я в Уилмслоу.

– Давай, заходи ко мне в гости, – сказал я.

– Я уже у твоей двери, – ответил он.

Бобби был очень бодрым человеком. Даже в свои семьдесят с лишним лет он все еще мечтал вновь встать у руля «Ньюкасла», из которого его уволили в начале сезона 2004/05. Безделье он не любил и никак не мог понять, что назад в «Ньюкасл» для него пути нет. До самой своей смерти в 2009 году он не мог смириться с этим, что? лишний раз показывает, насколько сильно он любил футбол.

Как только я решил уйти в отставку, то перестал что-либо планировать; но в ту же секунду, как изменил свое мнение, снова начал составлять планы. Я сказал себе: «Нам нужна новая команда». Я снова был полон сил и энергии и вновь почувствовал в себе силу. Я заявил скаутам: «Надо пошевелиться!» Мы тут же мобилизовались, и это мне чертовски понравилось.

У меня не было проблем со здоровьем, которые могли бы помешать мне. Иногда, стоя на тренерском мостике, ты чувствуешь себя уязвимым. Ты задумываешься, ценят ли тебя. Мне вспоминается документальная телевизионная трилогия моего друга Хью Макилванни, посвященная Джоку Стину, Биллу Шенкли и Мэтту Басби. Главной темой трилогии была мысль, что каждый из этой троицы был слишком хорош, слишком велик для своего клуба, и каждый из них, тем или иным способом, был спущен с небес на землю. Я помню, как старина Джок говорил мне про владельцев клуба и директоров: «Помни, Алекс, мы – не они. Мы – не они. Они управляют клубом. А мы на них работаем». Джок всегда так думал, что есть они и мы, помещики и крепостные.

То, что они сделали в «Селтике» с Джоком Стином, было не только противно, но и нелепо: они предложили ему должность в своей букмекерской конторе. Человек принес им двадцать пять трофеев, а они предлагают ему в ответ управлять своим тотализатором! А Биллу Шенкли так и не предложили войти в состав совета директоров «Ливерпуля», что причинило ему нестерпимую обиду. Он даже начал ходить на матчи «Манчестер Юнайтед» или следить за играми «Транмир Роверс». Он появлялся в «Клиффе», на нашей старой тренировочной базе, равно как и на базе «Эвертона».

Каким бы хорошим ни было твое резюме, всегда будут моменты, когда ты будешь ощущать себя незащищенным, уязвимым. Конечно, в последние годы отношения с Дэвидом Гиллом у меня были выше всяких похвал. Но все равно руководство клуба всегда боится, что ты провалишься, так что по большей части ты предоставлен сам себе. Порой ты готов отдать все что угодно, лишь бы не остаться один на один со своими мыслями. Бывали дни, когда после обеда я

сидел в своем кабинете, и никто не приходил ко мне, поскольку все были уверены, что я занят. Я надеялся, что раздастся стук в дверь и Мик Фелан или Рене Мёленстен заглянут и спросят, не хочу ли я чашечку чая. Мне приходилось самому выходить наружу, искать людей, чтобы поговорить с ними, вторгаться в их пространство. Работая главным тренером, ты часто изолирован от других. Тебе нужен контакт с людьми, но они думают, что ты занят важным делом, и не трогают тебя.

До часу дня ко мне в кабинет шел нескончаемый поток посетителей. Парни из молодежной академии, Кен Рамсден, секретарь клуба, игроки из основного состава, которых мне особенно приятно было видеть. Ведь, как правило, это означало их желание довериться мне, часто по поводу своих семейных неурядиц. Я всегда положительно относился к их запросам, даже если это была просто просьба о выходном, чтобы снять накопившуюся усталость, или же какая-то проблема с контрактом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Разносы, которые Фергюсон устраивал своим игрокам после неудачных матчей, вошли в легенду и породили неологизм «hairdryer treatment»: кричать на кого-то так, что поднимается ветер. (Примеч. переводчика.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleks-fergyuson/avtobiografiya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)